

DOI 10.15407/sociology2020.04.023
УДК 316.662.2:005.732(47)

ЛИНА МАЛЫШ,

доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Национального университета “Киево-Могилянская академия” (04070, Киев, ул. Волошская, 8/5)

LINA MALYSH,

*Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor at the Department of Sociology, National University of Kyiv Mohyla Academy (8/5, Voloska St., Kyiv, 04070)
malysh.lina@ukma.edu.ua
<https://orcid.org/0000-0003-3155-3209>*

Движение в социальной иерархии в эпоху трансформации: восприятие населением посткоммунистических стран

Выполнение одной из главных задач стратификационного анализа — определение позиций индивидов в пространстве неравенств — социологи осуществляют с опорой на три группы эмпирических индикаторов. Первая из них связана с определением места индивида на шкале обладания определенным “количеством” благ (а именно объем доходов, уровень образования и т. п.). Вторая — с оценками населением позиций представителей других социальных категорий в социальной иерархии (например, шкалы престижа занятий). Третья касается представления респондентов о собственной позиции в социальной иерархии (в частности, субъективного социального класса). При этом сложность способов измерения расслоения общества при помощи показателей тех или иных групп может быть разной, предполагая применение как единичных переменных, так и индексов или шкал.

Несмотря на важность показателей первых двух групп для надежного измерения присущих социуму состояний неравенств, их предиктивные возможности в качестве независимых переменных моделей, где определяются ориентации на разные типы правительственных инициатив, уровень доверия к тем или иным институтам и чиновникам или удовлетворение жизнью, хуже, чем у показателей третьей группы [Clark, 2003; Engelhardt, Wagener, 2014; Ferrer-i-Carbonell, 2005; Gimpelson, Treisman, 2015; Niehues, 2014; Yanai, 2017; Малиш, 2012]. То есть поведение индивидов или по крайней мере декларирование ими его определенных форм связаны не только и не столько с объективным состоянием распределения дефицитных ресурсов, сколько с тем, как индивиды это распределение представляют себе.

Цитирование: Малыш, Л. (2020). Движение в социальной иерархии в эпоху трансформации: восприятие населением посткоммунистических стран. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 23–42.

Одним из важных аспектов представлений о социальном расслоении является восприятие индивидами собственных перемещений в пределах разнообразных иерархических структур. Данные об этом вместе с полученными при измерении интер- и интрагенерационной социальной мобильности позволяют более полно охарактеризовать меру открытости стратификационной системы, свойственной обществу. Исследования такого рода объединяет обращение к концепту субъективной социальной мобильности, содержание которого заключается в оценке индивидами собственных перемещений в социальном пространстве. В то же время в социологии отсутствуют основательно валидизированные методики измерения этого феномена¹: операционализация понятия субъективной социальной мобильности в работах разных авторов осуществляется по-разному [Bar-Haim, 2018; Duru-Bellat, Kieffer, 2008; Gugushvili, 2016; Kelley, Kelley, 2009; Vlachova, Rehakova, 1995].

В отечественной науке исследования социальной мобильности немногочисленны: ее эмпирическое исследование было предпринято в работах Светланы Оксамитной [Оксамитна, 2010; Оксамитна, Стукало, 2013]. Светлана Оксамитная, опираясь на предложенную Сарой и Клер Келли методологию [Kelley, Kelley, 2009], операционализирует данный концепт как соотношение индивидами статуса собственной работы со статусом работы своего отца. Альтернативный описанному способ измерения субъективной социальной мобильности представляет собой ее определение путем сопоставления позиций родителей и детей на воображаемой социальной лестнице [Малиш, 2019: с. 232–234].

Цель этой статьи — сравнение информации, полученной при помощи обоих типов показателей, для определения возможностей их применения в дальнейших исследованиях социальной стратификации. Фокусирование внимания на особенностях восприятия населением посткоммунистических стран движения в социальном пространстве обусловлено высокой интенсивностью структурных изменений в обществах в состоянии транзycji, что превращает их в уникальный аналитический кейс².

Данные и переменные

Для достижения поставленной в статье цели был использован массив данных модуля “Социальное неравенство” IV Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme, ISSP) 2009 года, реализованного на основе выборки, репрезентативной для взрослого (старше 18 лет) населения сорока одной страны. Выбор этого массива продиктован отсутствием в открытом доступе данных пятой волны модуля

¹ Более распространенным направлением исследований социальной мобильности является то, где она определяется на основе объективных показателей позиции индивидов в социальном пространстве. Детальное изложение таких методик и опыт их применения на украинских данных можно найти в публикации Светланы Оксамитной [Оксамитна, 2011].

² Акцент на периоде транзycji как фактора расположения в социальном пространстве обусловлен и тем, что позиция на социальной лестнице довольно слабо изменяется во времени, реагируя только на достаточно радикальные социальные сдвиги [Малиш, 2019: с. 234–239].

на момент проведения исследования, а также тем, что оценки индивидами своей позиции в социальном пространстве весьма стабильны во времени [Evans, Kelley, 2004], что делает эти сведения вполне пригодными для анализа.

Учитывая фокус анализа, была использована информация о двенадцати имеющихся в массиве посткоммунистических странах: Болгарии ($N = 1000$), Эстонии ($N = 1000$), Латвии ($N = 1069$), Литве ($N = 1023$), Польше ($N = 1263$), России ($N = 1603$), Словацкой Республике ($N = 1159$), Словении ($N = 1065$), Венгрии ($N = 1010$), Украине ($N = 2012$), Хорватии ($N = 1201$), Чехии ($N = 1205$); пять из них — бывшие советские республики.

Опросник исследования сделал возможным операционализацию субъективной социальной мобильности двумя способами.

Первый базируется на сравнении позиции семей респондентов и их родительских семей на “социальной лестнице” из десяти ступеней¹.

В отношении “социальной лестницы” укажем, что ученые неоднократно подчеркивали, что речь идет о фиксации этим индикатором не столько социальной позиции, сколько социально-психологической идентичности индивида. То есть самооценка индивидами места в социальной иерархии слабо детерминировалась имеющимися у них благами, отражая скорее стереотипные представления о месте на ней большинства населения [Adair, 2001; Sosnaud, Brady, Frenk, 2013].

Субъективная мобильность здесь определялась как факт движения индивида по социальным ступеням вверх (восходящее движение), вниз (нисходящее движение) или сохранение позиции, тождественной родительской семье (иммобильность). Также была рассчитана дистанция, преодоленная индивидом при перемещении. Значение этой переменной отражало то, сколько ступеней и в каком направлении преодолела семья индивида по сравнению с родительской, колеблясь в диапазоне [-9; 9].

Второй способ фиксировал самооценку индивидом факта изменения статуса его работы по сравнению с отцовской по 5-балльной шкале, где 1 — значительно выше, чем у отца, 2 — выше, 3 — такой же, 4 — ниже, 5 — значительно ниже².

Для дальнейшего сравнения информации, собранной по обоим показателям, переменная была перекодирована в три категории: восходящая мобильность (коды 1 и 2), нисходящая мобильность (коды 4 и 5) и иммобильность (код 3). Также по схеме Сары и Клер Келли [Kelley, Kelley, 2009], апробированной на украинских данных Светланой Оксамитной [Оксамитна, 2010; Оксамитна, Стукало, 2013], была рассчитана дистанция, преодоленная респондентами при перемещении. Для этого оригинальную пяти-

¹ Вопросы в анкете звучали так: “В нашем обществе есть группы, которые занимают высшие ступени общественной иерархии, и группы, которые занимают низшие ступени. Перед вами лестница, на которой 10 — это самое высокое положение, а 1 — самое низкое. На какой ступени Вы разместили бы себя? А если вспомнить семью, где Вы росли, где бы на этой шкале размещалась она?”

² Вопрос был сформулирован так: “Теперь вопрос о Вашей работе (или о последнем месте работы, если Вы временно не работаете). Если сравнить Вашу работу с той, которую имел Ваш отец тогда, когда вам было 14–15–16 лет, то, по Вашему мнению, статус Вашей работы является (или был) ...”

балльную шкалу перекодировали так: значительно высший, чем у отца, статус занятия — в 100 баллов; более высокий — в 75; такой же — в 50; ниже — в 25 и значительно ниже — в 0 баллов.

Оба показателя касались прошлого респондентов, что сделало возможной реализацию исследования по стратегическому плану ретроспективной панели. Его особенностью является обеспечение возможности сопоставления позиций индивидов до и после падения коммунистического режима без проведения серии опросов тех же самых людей (панельного исследования).

Для корректности сравнения анализировались ответы только той части респондентов, детство которых пришлось на период существования СССР, то есть ко времени его распада в 1991 году им должно было исполниться по крайней мере 15 лет, а на момент опроса они, соответственно, достигли как минимум 33 лет¹. Кроме того, при таком подходе можно осуществлять сравнение статуса занятия индивидов и их родителей, поскольку период пребывания респондентов на рынке труда, даже в условиях получения ими высшего образования, будет составлять около десяти лет. Таким образом, описанная подвыборка пригодна для выявления особенностей восприятия индивидами движения в социальном пространстве в эпоху транзиции.

Расположение населения на ступенях социальной лестницы

Распределения ответов на вопрос касательно позиции на социальной лестнице семей респондентов и их родителей имели ряд различий, порой разительных, отражая изменения в социоструктурных иерархиях, обусловленные переходом от одного общественного строя к другому. Во всех рассмотренных странах наблюдались расхождения в средних значениях обоих показателей (см. табл. 1). Только в четырех из них — Словакии, Чехии, Польше и Словении произошло ее повышение, тогда как для остальных восьми среднее значение ступени семьи детей оказалось ниже, чем у семьи, в которой они росли. Наиболее существенными эти различия оказались в Украине и Латвии, где дети спустились в среднем на 1,17 и 1 ступень по сравнению с родителями.

Среди постсоветских республик самая лучшая ситуация сложилась в Эстонии, где позиция детей была ниже, чем у родителей, всего на 0,16 ступени, а среди всех рассмотренных стран — в Словении, где средняя позиция детей даже возросла на 0,51 ступеньки по сравнению с родительской.

Различия в конфигурациях стратификационных профилей, образованных позициями индивидов и родителей на ступенях социальной лестницы, оказались еще более заметными (рис. 1, рис. 2). Стратификационные профили, в которые складывались позиции родительских семей, по своей форме тяготели к типу “Средний”, характеризующийся сосредоточением значительной части населения на средних ступенях лестницы. В десяти из двенадцати рассмотренных стран модальной оказалась пятая ступень. Исключение составляли Россия, где больше всего опрошенных разместили семью

¹ Массив, который включал подвыборки с описанными категориями людей, имел вид: Болгария ($N = 738$), Эстония ($N = 731$), Латвия ($N = 748$), Литва ($N = 697$), Польша ($N = 895$), Россия ($N = 1129$), Словакия ($N = 806$), Словения ($N = 770$), Венгрия ($N = 787$), Украина ($N = 1444$), Хорватия ($N = 851$), Чехия ($N = 867$).

родителей на шестой ступени, и Болгария, где распределение ответов тяготеет к бимодальному — почти одинаковое количество опрошенных расположили родительскую семью на третьей и четвертой ступенях.

Таблица 1

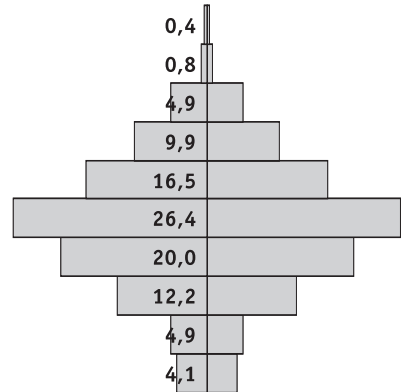
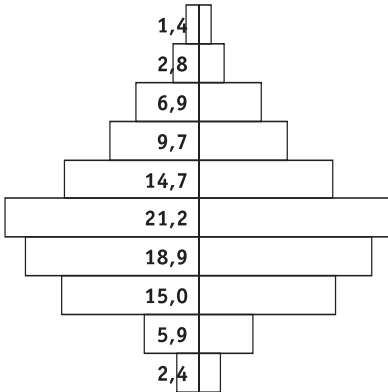
**Средние значения ступеней на социальной лестнице
в посткоммунистических странах**

Страна	Родители		Дети		Δ
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	
Украина	4,56	2,00	3,39	1,70	-1,17
Латвия	5,15	1,76	4,15	1,67	-1,00
Болгария	4,66	1,69	3,89	1,63	-0,77
Венгрия	4,53	1,79	3,89	1,50	-0,64
Россия	4,89	1,99	4,42	1,91	-0,47
Хорватия	4,74	2,15	4,38	1,72	-0,36
Литва	4,49	1,97	4,15	1,75	-0,34
Эстония	4,97	1,92	4,81	1,73	-0,16
Словакия	4,39	1,58	4,57	1,57	0,18
Чехия	4,53	1,51	4,84	1,60	0,31
Польша	4,83	1,86	5,14	1,70	0,31
Словения	4,32	1,84	4,83	1,55	0,51

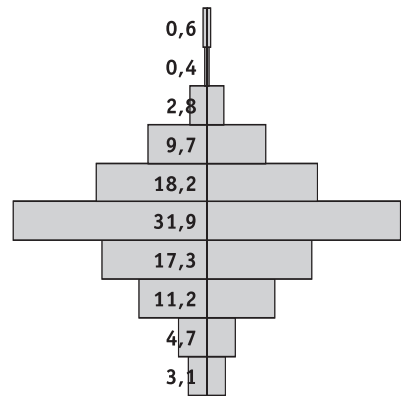
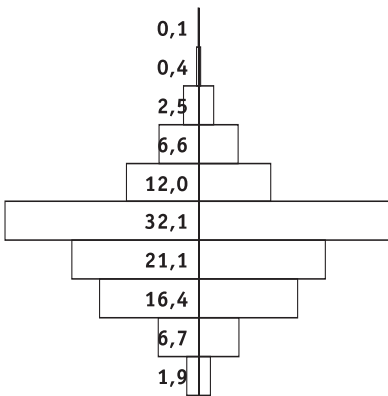
Примечание: показатель Δ является разницей между средними значениями позиций на социальной лестнице детей и родителей.

Стратификационные профили, построенные на основании ответов самих респондентов, также преимущественно склонялись к типу “Средний”, однако для ряда стран наблюдалось усиление диспропорции между долями индивидов в верхней и нижней частях иерархии, особенно заметное для Украины, Болгарии, Латвии, Венгрии, России. В Украине тип стратификационного профиля вообще больше напоминал “Пирамиду”. При этом в Хорватии и в Эстонии существенно возросло, по сравнению с аналогичным показателем для родителей, количество индивидов, которые находились на пятой ступени, а в Словакии, Чехии, Польше, Словении — тех, кто находился на шестой и седьмой ступенях социальной лестницы. Модальной ступенью для восьми стран, среди которых Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Польша, Словакия, Словения, Литва, оказалась пятая. Более низкой она была в Украине (третьей), Венгрии и Латвии (четвертой), а более высокой — в России (шестой).

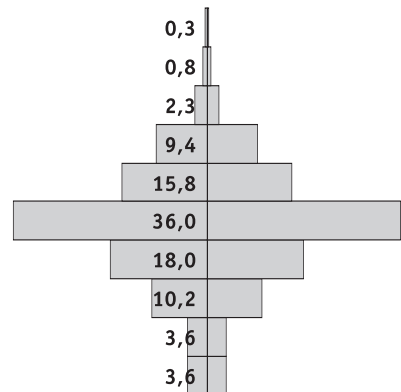
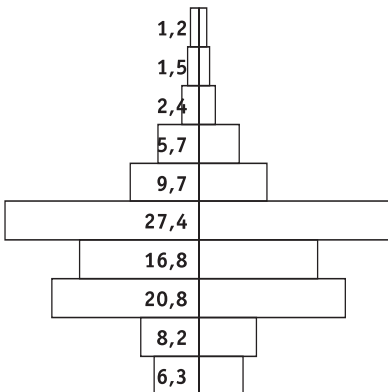
В целом трансформационные процессы привели к изменениям в распределении индивидов на ступенях социальной лестницы, которые среди перечисленных стран оказались наиболее существенными в Украине и Словении. Затронув в обеих срединный слой индивидов, они имели диаметрально противоположные последствия: его существенное уменьшение в первой и увеличение во второй.

ЭСТОНИЯ

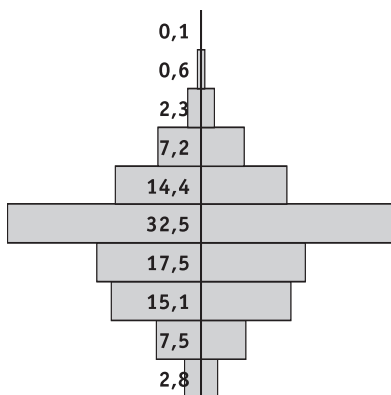
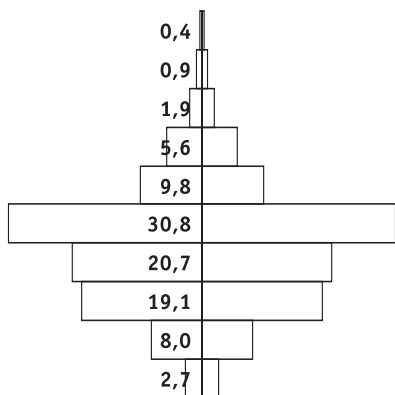

ЧЕХИЯ

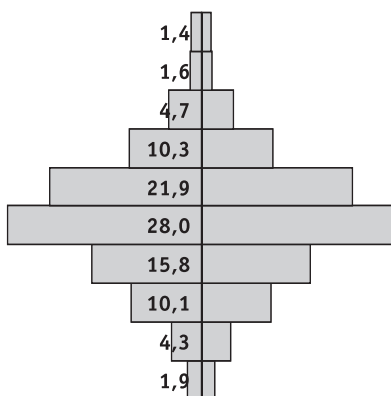
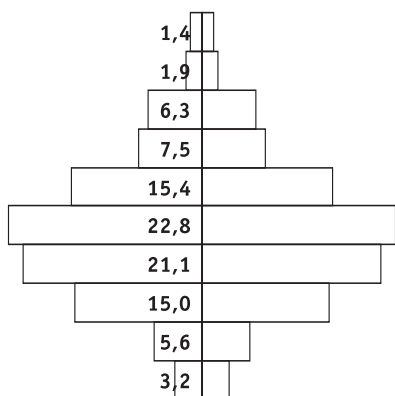

СЛОВЕНИЯ

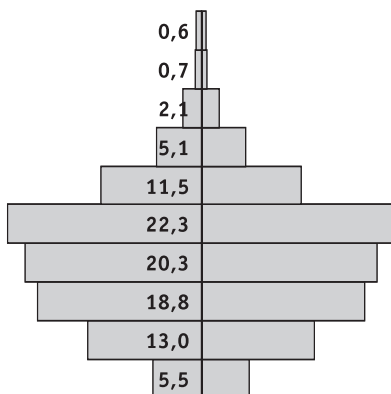
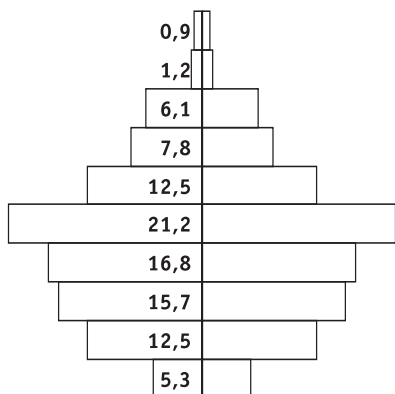
Примечание: ступени расположены снизу вверх, для каждой
Рис. 1. Стратификационные профили стран, где средние значения

СЛОВАКИЯ

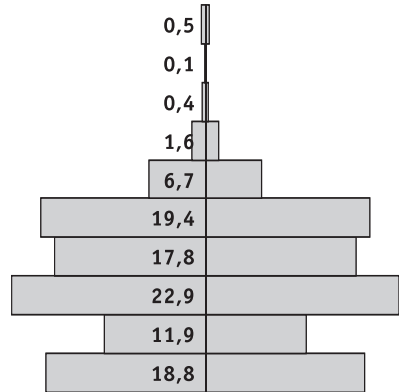
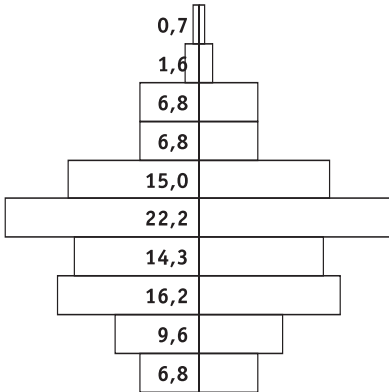
ПОЛЬША

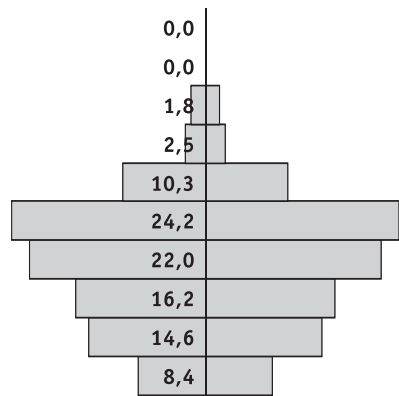
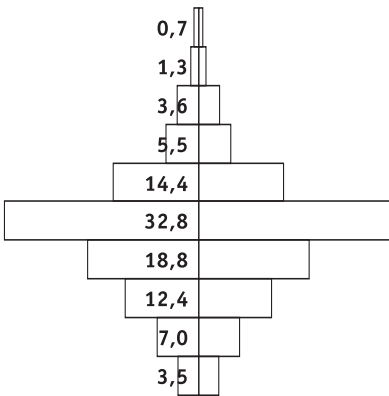
ЛИТВА

указан процент людей на ней. Профиль детей залит серым цветом.

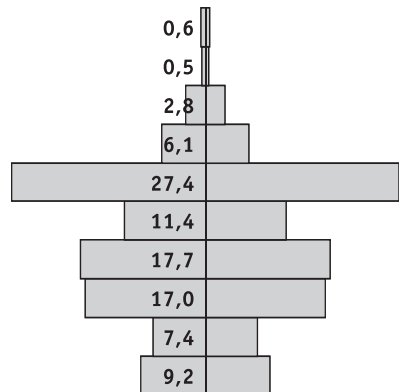
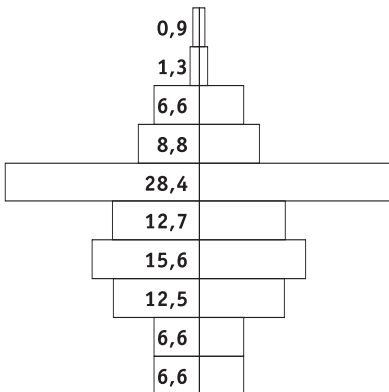
ступени на социальной лестнице родителей и детей слабо различаются

УКРАИНА

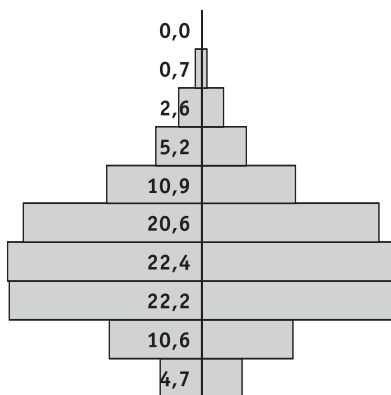
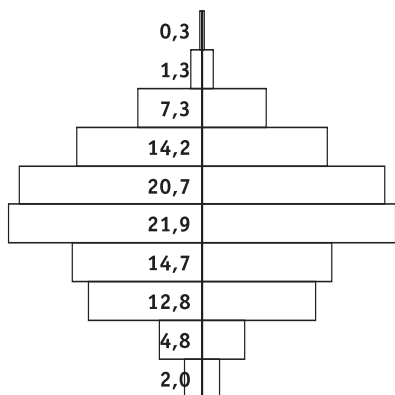

БОЛГАРИЯ

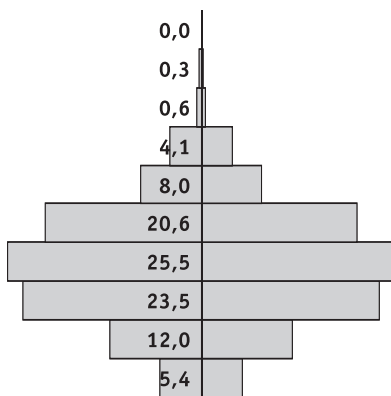
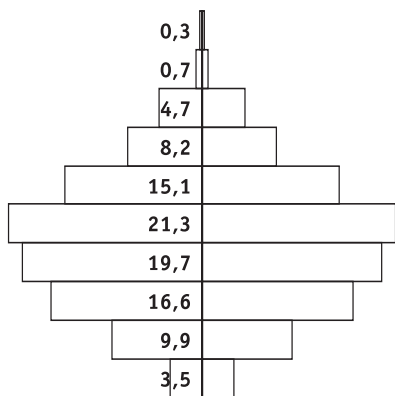

РОССИЯ

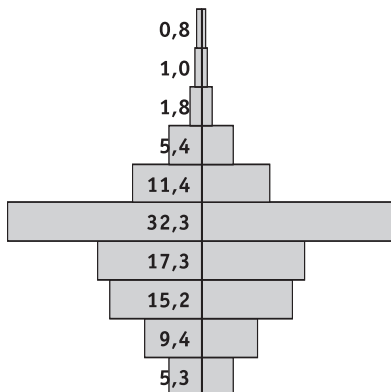
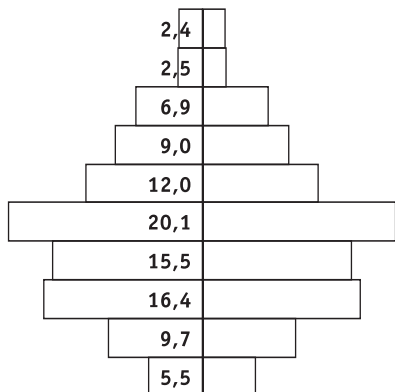
Примечание: ступени расположены снизу вверх, для каждой
Рис. 2. Стратификационные профили стран, где средние значения

ЛАТВИЯ

ВЕНГРИЯ

ХОРВАТИЯ

указан процент людей на ней. Профиль детей залит серым цветом.
 ступени на социальной лестнице родителей и детей сильно различаются

Межгенерационное движение по ступенькам социальной лестницы

Наряду с определением на основании позиции респондентов и их родителей стратификационных профилей для фиксации перемещений индивидов в социальном пространстве используются показатели их подвижности. В данном исследовании использованы два следующих: первый касался направления движения, а второй — преодоленной в социальной иерархии дистанции.

Согласно полученным данным (см. табл. 2), позиция семьи детей в основном оказалась хуже родительской: в семи странах доминирующей тенденцией была именно нисходящая мобильность (Украина, Болгария, Латвия, Литва, Венгрия, Россия, Хорватия). При этом меньше всего тех, кто по сравнению с родителями поднялся вверх в социальной иерархии, наблюдалось в Украине и Болгарии (16,5% и 14,5%). В то же время доли тех, кто осуществил нисходящую мобильность, были самыми высокими в Латвии (51,2%), Украине (49,0%) и Венгрии (48,5%).

Восходящее движение по социальным ступеням преобладало над нисходящим в пяти странах: Эстонии, Словакии, Польше, Чехии и Словении. В последней доля тех, кто поднялся вверх, была наибольшей, достигнув 47%. Словении, Чехии и Словакии присуща также незначительная распространенность нисходящего движения по социальной лестнице (около 19%).

Существенная стабильность позиции индивидов от поколения к поколению присуща Болгарии, Словакии и Чехии, где доля иммобильных составила как минимум 40,0%, меньше всего таких было в Венгрии и Латвии (23,9% и 25,4% соответственно).

Таблица 2

Межгенерационное движение по ступеням социальной лестницы

Страна	Восходящее движение, %	Иммобильность, %	Нисходящее движение, %	Δ
Украина	16,5	34,5	49,0	-32,5
Болгария	14,5	43,1	42,4	-27,9
Латвия	23,4	25,4	51,2	-27,8
Венгрия	27,6	23,9	48,5	-20,9
Россия	21,7	38,5	39,7	-18,0
Хорватия	31,7	31,4	36,9	-5,2
Литва	31,9	31,4	36,7	-4,8
Эстония	34,5	33,7	31,8	2,7
Словакия	34,9	45,3	19,8	15,1
Польша	40,4	37,6	22,0	18,4
Чехия	39,4	40,9	19,7	19,7
Словения	47,0	33,9	19,1	27,9

Примечание: показатель Δ является разностью между долями индивидов, которые осуществили восходящее и нисходящее межпоколенческое движение.

Рассмотрение межгенерационных изменений позиции на социальной лестнице выходцев из разных слоев позволило выяснить, что восходящее

движение было свойственно преимущественно выходцам из семей, расположенных на четырех ее низших ступенях. А вот большинству детей из семей с самых высоких ступеней, наоборот, была присуща нисходящая мобильность. Нисходящая мобильность была модальным направлением для трех самых высоких ступеней родительской семьи в Чехии, для четырех — в Польше, России, Словакии, Словении, для пяти — в Украине, Болгарии, Хорватии, для шести — в Венгрии, Латвии, Литве. То есть вершину социальной иерархии образовывали те, кто осуществил восходящее движение, а нижнюю часть — те, кто спустился вниз по сравнению с родительской семьей.

Наряду с этим обнаруживалась иммобильность выходцев из семей, находящихся посередине социальной лестницы — на пятой ступени; это прослеживалось в Словении (56,3%), Словакии (56,4%), Эстонии (52,3%), Польше (51,0%), Болгарии (50,6%). В Чехии доля иммобильных среди тех, чьи родители находились на 5–7 ступенях, колебалась в пределах от 48,5% до 49,1%. Отсюда средний слой людей в указанных странах достаточно стабильно воспроизводился от поколения к поколению даже в условиях социальных трансформаций.

Ряд особенностей в межгенерационном движении по социальной лестнице наблюдался в Болгарии и в Украине. Так, в первой среди выходцев из семей, занимавших 1–4 ступени социальной лестницы, доля осуществивших восходящее движение, оказалась ниже, чем в любой из рассмотренных двенадцати стран, составляя всего 24,5%. Вместе с тем не изменили позицию 69,4% детей родителей, которые находились на первой ступени, и 76,0% — на второй.

В Украине среди тех, чья семья находилась на самом низком уровне в социальной иерархии, иммобильность также оказалась высокой (73,2%). Наибольшая доля тех, кто осуществил восходящее движение, была сосредоточена среди выходцев из семей, расположенных на второй (48,6%) и третьей (32,2%) ступенях социальной лестницы. То есть в обоих указанных странах наблюдалось не только изменение стратификационной модели в сторону роста количества людей внизу социальной лестницы, но и определенное усиление барьеров, препятствовавших их продвижению вверх.

Данные более детального анализа перемещений по социальной лестнице показали достаточно небольшой диапазон движения индивидов: его средние значения в основном не превышали одной ступени (см. табл. 3).

Медианное значение преодоленных ступенек социальной лестницы во всех странах составляло 0, исключение составляла только Латвия, где оно снизилось до –1. Межквартильный размах имел большую кросс-культурную вариативность: в целом его значения оказались выше там, где среднее значение расстояния, на которое переместились индивиды, было положительным.

Продвигаться по социальной лестнице вверх, вполне ожидаемо, индивидам оказалось сложнее, нежели вниз: подъем на максимальное количество ступенек (9) был отмечен только в Хорватии и Польше, тогда как спуск на аналогичное расстояние — в Хорватии, Эстонии, Латвии, России, Украине.

Таким образом, в период социальных трансформаций жители большинства рассмотренных стран чаще воспроизводили позицию родительской семьи на социальной лестнице или ухудшали ее, преодолевая при этом незначительное количество ступенек.

Дистанция, преодоленная на социальной лестнице

Страна	Среднее	Стандартное отклонение	Межквартильный размах
Украина	-1,17	2,19	3
Латвия	-1,00	2,26	2
Болгария	-0,76	1,74	2
Венгрия	-0,64	1,90	3
Россия	-0,47	2,00	2
Хорватия	-0,35	2,36	3
Литва	-0,34	2,11	2
Эстония	-0,16	2,16	2
Словакия	0,18	1,33	1
Чехия	0,31	1,58	1
Польша	0,32	1,75	1
Словения	0,50	1,74	2

Примечание: показатели касаются количества ступеней, преодоленных детьми по сравнению с родителями, знак указывает направление движения.

Субъективная социальная мобильность в период посткоммунистических трансформаций

Наряду с движением по социальной лестнице перемещения индивидов в пространстве неравенств описывает показатель субъективной социальной мобильности. При этом первый является обобщающим и фиксирует изменение интегральной позиции индивида в социальном пространстве по сравнению с родительской. Второй же указывает на конкретный признак, по которому будет определяться межпоколенческая мобильность, — статус работы. Измерение субъективной социальной мобильности возможно при соблюдении двух условий: наличия у респондента на момент опроса определенного трудового опыта, а также его осведомленности о работе отца в то время, когда ему исполнилось 14–16 лет.

Вполне предсказуемо общественные трансформации обусловили изменения в системе производственных отношений, а значит — и структурную мобильность. Большинство опрошенных считали статус своей работы отличным от отцовского: доля индивидов, которые не почувствовали таких изменений, достигала от 27,3% тех, кто ответил на вопрос (в Польше), до 46,8% (в Венгрии). Во всех анализируемых странах доля тех, кто ощущал ухудшение статуса работы по отношению к отцовскому, была меньше доли тех, кто не заметил никаких изменений либо считал их позитивными (см. табл. 4).

Самый высокий уровень восходящей субъективной мобильности был обнаружен в Польше и Литве, где ее осуществили более половины ответивших на вопрос. Наименьшие проценты по этому показателю были отмечены в Чехии и Венгрии, где наблюдались и самые высокие доли иммобильных, а отсюда и наименьшая разница между процентами осуществивших восходящее и нисходящее движение.

Таблица 4

Субъективная социальная мобильность

Страна	Восходящая мобильность, %	Иммобильность, %	Нисходящая мобильность, %	Δ
Чехия	33,7	44,8	21,6	12,1
Венгрия	33,2	46,8	20,1	13,1
Россия	39,1	39,4	21,5	17,6
Латвия	39,6	40,1	20,3	19,3
Словения	39,7	41,2	19,1	20,6
Эстония	43,1	34,5	22,3	20,8
Украина	42,1	37,6	20,3	21,8
Хорватия	47,3	30,9	21,8	25,5
Словакия	45,3	37,4	17,2	28,1
Польша	51,5	27,3	21,3	30,2
Болгария	44,6	42,7	12,8	31,8
Литва	53,4	31,5	15,2	38,2

Примечание: показатель Δ является разницей между долями индивидов, которые осуществили восходящую и нисходящую межпоколенческую мобильность.

Дистанция субъективной социальной мобильности во всех перечисленных посткоммунистических странах пусть и не слишком сильно, но все же превышала срединное значение по 100-балльной шкале (см. табл. 5). То есть расстояние, на которое индивиды переместились, было небольшим, поскольку 50 баллов соответствовали воспроизводству статуса работы отца. Вместе с тем разрыв между минимальным и максимальным средними значениями дистанции субъективной мобильности не превышал 10 баллов.

Таблица 5

Дистанция субъективной социальной мобильности

Страна	Среднее	Стандартное отклонение
Чехия	53,27	23,87
Венгрия	54,06	21,80
Украина	54,13	26,66
Россия	55,60	26,01
Латвия	55,64	23,46
Словения	56,28	24,95
Эстония	57,10	28,35
Хорватия	57,65	26,45
Словакия	58,67	23,52
Болгария	60,11	23,19
Польша	61,39	27,27
Литва	62,08	24,48

Итак, общим трендом субъективной социальной мобильности в посткоммунистических странах в период транзиции стало восходящее движение незначительной амплитуды.

Связь между разными видами перемещений в социальной иерархии

Использование разных способов фиксации восприятия индивидами перемещений в социальном пространстве предполагает сопоставление информации, полученной на этих основаниях. Описание распределений переменных, фиксирующих межпоколенческое движение по социальной лестнице и субъективную социальную мобильность, позволило выявить ряд особенностей этих индикаторов.

Во-первых, доля тех, кто осуществил восходящую субъективную социальную мобильность, несколько выше аналогичного показателя для межпоколенческой: первая колебалась в диапазоне от 33,7% до 53,4%, а вторая — от 16,5% до 47,0%. А вот доля индивидов, опустившихся вниз по социальной лестнице, превышала долю тех, кто осуществил нисходящую субъективную мобильность: первая составляла от 19,1% до 51,2%, а вторая — от 12,8% до 22,3%.

Во-вторых, ранги стран по разнице между долями индивидов, осуществивших восходящие и нисходящие перемещения в социальном пространстве, для межпоколенческого движения по ступеням социальной лестницы и субъективной социальной мобильности также не совпадали. Преобладание восходящей мобильности для первого показателя наблюдалось лишь в Эстонии, Словакии, Польше, Чехии и Словении¹, варьируя от 2,7% до 27,5%. Для второго показателя восходящее движение оказалось господствующей тенденцией во всех странах, но заметнее всего расхождение в процентах индивидов с восходящей и нисходящей мобильностью оказалось в Хорватии, Словакии, Польше, Болгарии и Литве² (от 25,5% до 38,2%).

Сравнение данных о восприятии индивидами межпоколенческого движения по социальной лестнице и субъективной социальной мобильности (см. табл. 6) позволило очертить дополнительные различия этих показателей.

Направления движения, выявленные различными способами, у значительного количества опрошенных не совпадали: иногда доля тех, у кого они были несогласованными, достигала почти 60%. Однако позиция индивида на социальной лестнице обуславливалась его субъективной социальной мобильностью, поскольку между переменными существовала прямая значимая связь³.

Среди людей, чьи перемещения в обеих системах координат оказались синхронными, процент тех, кто осуществил восходящую мобильность, в основном превышал процент тех, кто двигался вниз. Исключение составляла только Латвия, но и там эта разница не достигала даже 1%. Весьма незначительной, хотя и положительной, эта разница была в России (0,5%). Для других стран соответствующее расхождение оказалось наименьшим в Болгарии (2,7%) и Венгрии (2,8%), а наибольшим — в Словакии (15,9%), Словении

¹ Страны приведены в порядке увеличения значения показателя Δ (табл. 2).

² Страны приведены в порядке увеличения значения показателя Δ (табл. 4).

³ Для этих переменных ρ Спирмена варьировал от 0,116 (Украина) до 0,345 (Чехия), значимость для всех рассмотренных стран составляла $p < 0,001$.

(17,3%) и Польше (21,0%), варьируя среди остальных стран в диапазоне от 7,8% до 10,5%. Укажем, что в Польше и Словении оказались самыми высокими и доли тех, кто имел синхронную восходящую мобильность (31,5% и 25,3%).

Таблица 6

**Связь между разными индикаторами перемещений
в социальном пространстве**

Страна	Корреляция между дистанциями перемещений, ρ^1	Синхронная восходящая мобильность, %	Синхронная иммобильность, %	Синхронная нисходящая мобильность, %	Несогласованное движение, %
Украина	0,192	22,1	15,0	14,0	48,9
Россия	0,238	11,9	18,1	11,5	58,6
Болгария	0,240	11,0	20,8	8,3	59,8
Венгрия	0,244	15,0	14,2	12,2	58,6
Словакия	0,254	21,8	20,0	5,9	52,2
Литва	0,275	20,2	12,1	10,5	57,2
Словения	0,331	25,3	18,2	8,0	48,5
Латвия	0,355	16,8	16,1	17,6	49,5
Хорватия	0,368	21,4	12,0	13,6	52,9
Эстония	0,454	22,1	15,0	14,0	48,9
Польша	0,468	31,5	15,2	10,5	42,8
Чехия	0,470	21,7	24,8	11,2	42,3

Примечание: показатели синхронной восходящей и нисходящей мобильности и иммобильности фиксируют долю индивидов, у которых совпадают направления субъективной мобильности и межпоколенного движения по социальной лестнице.

Сравнение информации о дистанции перемещений в разных измерениях социального пространства показало воспроизводство описанных трендов (табл. 6). Так, между обоими ее показателями зафиксирована значимая прямая связь, но в отношении его силы отмечались некоторые кросс-культурные расхождения. Она была слабой в Украине, России, Болгарии, Венгрии, Словакии, Литве (от 0,192 до 0,275) и умеренной в Словении, Латвии, Хорватии, Эстонии, Польше, Чехии (от 0,331 до 0,470). То есть расстояния, которые индивиды преодолели на социальной лестнице и по статусу занятия, преимущественно различались.

Таким образом, результаты измерения межгенерационной мобильности посредством сравнения позиции детей и родителей на ступеньках социальной лестницы и сопоставления их статусов работы достаточно сильно различались. Доля осуществивших восходящую мобильность по первому показателю оказалась ниже, чем по второму. Также невысокими оказались синхронность перемещений и корреляция между их расстоянием. Максимальная согласованность этих показателей среди всех рассмотренных стран характерна для Польши и Чехии, минимальная — для России, Болгарии и Венгрии.

¹ Все коэффициенты значимы на уровне $p < 0,001$.

Выводы

Очерчивая характер восприятия населением посткоммунистических стран перемещений в социальном пространстве и возможности дальнейшего применения в стратификационном анализе его отдельных показателей, отметим несколько аспектов.

В целом оба типа показателей движения в социальном пространстве позволяют обнаружить социоструктурные изменения, обусловленные процессом транзиции, и различить их особенности в отдельных странах.

Определить статус работы отца респондентам было труднее, чем оценить позицию родительской семьи на социальной лестнице. Количество кейсов, которые по разным причинам не содержали ответа на эти вопросы, по рассмотренным странам в среднем составляло соответственно 13,5% и 1,9%.

Тенденции касательно направления межпоколенческих перемещений, зафиксированные обоими показателями, также различались. Для движения по ступеням социальной лестницы в большинстве стран модальной была нисходящая мобильность. Доля осуществивших восходящую мобильность преобладала в Польше и Словении и незначительно — в Эстонии, а доля иммобильных — в Словакии и Чехии. Для изменения статуса работы по сравнению с отцовским модальным направлением была восходящая мобильность, иммобильность доминировала в Чехии и Венгрии, а ее незначительное преобладание наблюдалось в Словении, Латвии и России.

Направление перемещений в социальном пространстве и дистанция, зафиксированные на основе обоих типов показателей, в большинстве стран оказались не слишком синхронными. Наибольшая их согласованность наблюдалась в Польше и Чехии, где количество тех, у кого направления межпоколенческой мобильности не совпадали, было наименьшим, а сила связи между расстояниями, преодоленными в социальном пространстве, была наибольшей. Для России, Болгарии и Венгрии, наоборот, была зафиксирована самая высокая доля тех, чьи направления движения не совпадали, а плотность показателей дистанции была наименьшей.

Следует отметить, что хотя оба типа показателей измеряют восприятие индивидами межпоколенческой мобильности, однако делают они это по-разному. Изменение статуса работы респонденты оценивают непосредственно, тогда как межпоколенческое движение по ступенькам социальной лестницы определяется путем сопоставления ответов индивидов об их собственной позиции на ней с ответами о родительской семье.

Соответственно, для более корректного сравнения объяснительных возможностей показателей стоило бы прибегнуть к использованию в анкетах вопросов, позволяющих однотипную фиксацию движения в социальном пространстве. В частности, следовало бы добавить отдельные вопросы по оценке индивидами статуса собственной работы и статуса работы отца, а также вопросы о том, насколько, по их мнению, изменилась их позиция на социальной лестнице по сравнению с родительской семьей. Указанные уточнения, а также определение восприятия движения в социальном пространстве по другим измерениям, к примеру, по уровню доходов семьи, как раз и должны создать почву для дальнейших исследований субъективной социальной мобильности.

Источники

- Малиш, Л. (2012). Рівень (не)довіри українців до інститутів та посадовців. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 2, 35–52.
- Малиш, Л. (2019). Принципи та правила вимірювання структурних нерівностей у соціології. Київ: НАУКМА.
- Оксамитна, С. (2010). Суб'єктивне сприйняття соціальної мобільності: досвід міжнародного дослідження та тенденції в Україні. *Наукові записки: Соціологічні науки*, 109, 5–12.
- Оксамитна, С. (2011). Міжгенераційна класова та освітня мобільність. Київ: НАУКМА, Аграр Медіа Груп.
- Оксамитна, С., Стукало, С. (2013). Суб'єктивна соціальна мобільність у порівняльній перспективі. В: М. Шульга (Ред.), *Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг* (сс.198–206). Київ: Інститут соціології НАН України.
- Adair, S. (2001). Immeasurable Differences: A Critique of the Measures of Class and Status Used in the General Social Survey. *Humanity & Society*, 25 (1), 57–84.
- Bar-Haim, E. (2018). Still Great: Subjective Intergenerational Mobility and Income Inequality. *Comparative Sociology*, 17 (5), 496–518.
- Clark, A.E. (2003). Inequality-Aversion and Income Mobility: A Direct Test. CNRS and DELTA. *Fédération Jourdan Working Paper*, 2003–11. Paris: École Normale Supérieure, Département et Laboratoire d'Économie Théorique et Appliquée. Retrieved from: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.202.9008&rep=rep1&type=pdf>
- Duru-Bellat, M., Kieffer, A. (2008). Objective/subjective: The two facets of social mobility. *Sociologie du travail*, 50, e1–e18.
- Engelhardt, C., Wagener, A. (2014). Biased Perceptions of Income Inequality and Redistribution (June 12, 2014). In: *CESifo Working Paper Series No 4838*. Retrieved from: <https://ssrn.com/abstract=2463129>
- Evans, M.D.R., Kelley, J. (2004). Subjective Social Locations: Data from 21 Nations. *International Journal of Public Opinion Research*, 16 (1), 3–38.
- Ferrer-i-Carbonell, A. (2005). Income and Well-Being: An Empirical Analysis of the Comparison Income Effect. *Journal of Public Economics*, 89 (5–6), 997–1019.
- Gimpelson, V., Treisman, D. (2015). *Misperceiving Inequality. NBER Working Paper No 21174*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Gugushvili, A. (2016). Intergenerational Objective and Subjective Mobility and Attitudes Towards Income Differences: Evidence from Transition Societies. *Journal of International and Comparative Social Policy*, 32 (3), 1–21.
- Kelley, S.M.C., Kelley, C.G.E. (2009). Subjective Social Mobility: Data From 30 Nations. In: M. Haller, R. Jowell, T. Smith (Eds.), *Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009* (pp. 106–124). London: Routledge.
- Niehues, J. (2014). *Subjective Perceptions of Inequality and Redistributive Preferences: An International Comparison*. Discussion paper, Cologne Institute for Economic Research. Retrieved from: http://www.ecineq.org/ecineq_nyc17/FILESx2017/CR2/p88.pdf
- Sosnaud, B., Brady, D., Frenk, S.M. (2013). Class in Name Only: Subjective Class Identity, Objective Class Position, and Vote Choice in American Presidential Elections. *Social Problems*, 60 (1), 81–99.
- Vlachova, K., Rehakova, B. (1995). Subjective Mobility after 1989: Do People Feel a Social and Economic Improvement or Relative Deprivation? *Sociologický časopis / Czech Sociological Review*, 3 (1), 137–155. Retrieved from: <https://nbnresolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-53798>
- Yanai, Y. (2017). Perceived Inequality and Support for Redistribution. Retrieved from: <https://ssrn.com/abstract=2937637>

Получено 07.08.2020

References

- Adair, S. (2001). Immeasurable Differences: A Critique of the Measures of Class and Status Used in the General Social Survey. *Humanity & Society*, 25 (1), 57–84.
- Bar-Haim, E. (2018). Still Great: Subjective Intergenerational Mobility and Income Inequality. *Comparative Sociology*, 17 (5), 496–518.
- Clark, A. E. (2003). Inequality-Aversion and Income Mobility: A Direct Test. CNRS and DELTA. *Fédération Jourdan Working Paper*, 2003–11. Paris: École Normale Supérieure, Département et Laboratoire d'Économie Théorique et Appliquée. Retrieved from: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.202.9008&rep=rep1&type=pdf>
- Duru-Bellat, M., Kieffer, A. (2008). Objective/subjective: The two facets of social mobility. *Sociologie du travail*, 50, e1–e18.
- Engelhardt, C., Wagener, A. (2014). Biased Perceptions of Income Inequality and Redistribution (June 12, 2014). In: *CESifo Working Paper Series No 4838*. Retrieved from: <https://ssrn.com/abstract=2463129>
- Evans, M. D. R., Kelley, J. (2004). Subjective Social Locations: Data from 21 Nations. *International Journal of Public Opinion Research*, 16 (1), 3–38.
- Ferrer-i-Carbonell, A. (2005). Income and Well-Being: An Empirical Analysis of the Comparison Income Effect. *Journal of Public Economics*, 89 (5–6), 997–1019.
- Gimpelson, V., Treisman, D. (2015). Misperceiving Inequality. *NBER Working Paper No 21174*. Cambridge, Mass: National Bureau of Economic Research (NBER).
- Gugushvili, A. (2016). Intergenerational Objective and Subjective Mobility and Attitudes Towards Income Differences: Evidence from Transition Societies. *Journal of International and Comparative Social Policy*, 32 (3), 1–21.
- Kelley, S.M.C., Kelley, C.G.E. (2009). Subjective Social Mobility: Data From 30 Nations. In: M. Haller, R. Jowell, T. Smith (Eds.), *Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009* (pp. 106–124). London: Routledge.
- Malysh, L. (2012). The Rate of Ukrainians' (Non)Confidence in Institutions and Officials. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 35–52. [= Малиш 2012]
- Malysh, L. (2019). Principles and Rules of Measurement of Structural Inequalities in Sociology. [In Ukrainian]. Kyiv: NaUKMA. [= Малиш 2019]
- Niehues, J. (2014). *Subjective Perceptions of Inequality and Redistributive Preferences: An International Comparison*. Discussion paper, Cologne Institute for Economic Research. Retrieved from: http://www.ecineq.org/ecineq_nyc17/FILESx2017/CR2/p88.pdf
- Oksamytna, S. (2010). Subjective Perception of Social Mobility: International Research Experience and Trends in Ukraine. [In Ukrainian]. *NaUKMA Research Papers. Sociology*, 109, 5–12. [= Оксамитна 2010]
- Oksamytna, S. (2011). Intergenerational class and educational mobility. [In Ukrainian]. Kyiv: NaUKMA, Ahrar Media Hrup. [= Оксамитна 2011]
- Oksamytna, S., Stukalo, S. (2013). Subjective Social Mobility in Comparative Perspective. [In Ukrainian]. In: M. Shulha (Ed.), *Ukrainian Society 1992–2013. State and dynamics of change. Sociological monitoring* (pp. 198–206). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Оксамитна, Стукало 2013]
- Sosnaud, B., Brady, D., Frenk, S. M. (2013). Class in Name Only: Subjective Class Identity, Objective Class Position, and Vote Choice in American Presidential Elections. *Social Problems*, 60 (1), 81–99.
- Vlachova, K., Rehakova, B. (1995). Subjective Mobility after 1989: Do People Feel a Social and Economic Improvement or Relative Deprivation? *Sociologický časopis / Czech Sociological Review*, 3 (1), 137–155. Retrieved from: <https://nbnresolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-53798>
- Yanai, Y. (2017). Perceived Inequality and Support for Redistribution. Retrieved from: <https://ssrn.com/abstract=2937637>

Received 07.08.2020

ЛИНА МАЛИШ

Рух у соціальній ієрархії за доби трансформації: сприйняття з боку населення посткомуністичних країн

У статті аналізується, як люди оцінюють зміну свого становища в соціальній ієрархії. Дослідницьку увагу зацікавлено на посткомуністичних країнах, які презентують яскравий приклад переходу від одного соціального ладу до іншого. До списку цих посткомуністичних країн було включено Болгарію (N = 1000), Естонію (N = 1000), Латвію (N = 1069), Литву (N = 1023), Польщу (N = 1263), Росію (N = 1603), Словаччину (N = 1159), Словенію (N = 1065), Угорщину (N = 1010), Україну (N = 2012), Хорватію (N = 1201), Чехію (N = 1205).

На підставі запитань модуля “Соціальна нерівність-IV” Міжнародної програми соціального дослідження було виявлено два типи сприйняття своєї мобільності з боку населення: суб’єктивна соціальна мобільність і міжпоколінний рух соціальними сходами. Суб’єктивну соціальну мобільність вимірювали як співвідношення статусу респондента на поточній роботі порівняно зі статусом роботи його батька на момент, коли вік опитаного становив 14–16 років. Міжпоколінний рух соціальними сходами визначали як різницю між позиціонуванням респондента на соціальних сходах і його уявленням про місце на соціальній драбині сім’ї, в якій пройшло його дитинство. Також було виміряно напрямки і відстань обох типів переміщень у соціальній ієрархії.

У процесі аналізу даних були зафіксовані відмінності в профілях стратифікації, ґрунтовані на розподілі позицій респондентів та їхніх батьків на соціальній драбині. У переважній більшості країн населення в період трансформації здійснило спуск соціальними сходами. Виняток становили Словаччина, Чехія і Польща.

Частка респондентів, які здійснили суб’єктивну висхідну мобільність, перевищувала частку тих, хто піднявся вгору соціальними сходами. Дистанції обох типів переміщень у соціальному просторі були не надто великими та слабо узгодженими: найбільш значення коефіцієнтів кореляції для відповідних змінних спостерігалися в Польщі і в Чехії.

Загалом, дослідження дало змогу визначити методологічні особливості індикаторів обох типів переміщення в соціальному просторі, але більш точний опис їхнього вимірювального потенціалу вимагає подальшого емпіричного дослідження.

Ключові слова: соціальна нерівність, посткомуністичні країни, позиція на соціальній драбині, суб’єктивна соціальна мобільність

ЛИНА МАЛЫШ

Движение в социальной иерархии в эпоху трансформации: восприятие населением посткоммунистических стран

В статье анализируется, как люди оценивают изменение своего положения в социальной иерархии. Основное внимание в исследовании уделяется посткоммунистическим странам, которые представляют яркий пример перехода от одного социального строя к другому. Список этих посткоммунистических стран включал Болгарию (N = 1000), Эстонию (N = 1000), Латвию (N = 1069), Литву (N = 1023), Польшу (N = 1263), Россию (N = 1603), Словакию (N = 1159), Словению (N = 1065), Венгрию (N = 1010), Украину (N = 2012), Хорватию (N = 1201), Чехию (N = 1205).

На основе вопросов модуля “Социальное неравенство-IV” Международной программы социальных исследований, были выявлены два типа восприятия населением своей мобильности: субъективная социальная мобильность и межпоколенческое движение по социальной лестнице. Субъективная социальная мобильность измерялась как соотношение статуса респондента на текущей работе по сравнению со статусом работы его отца на мо-

мент, когда возраст опрошенного составлял 14–16 лет. Межпоколенческое движение по социальной лестнице определялось как различие между позиционированием респондента на социальной лестнице и его представлением о положении на этой лестнице семьи, в которой он вырос. Также были измерены направление и расстояние обоих типов перемещения в социальной иерархии.

В ходе анализа данных были зафиксированы различия в профилях стратификации, основанные на распределении позиций респондентов и их родителей на социальной лестнице. В подавляющем большинстве стран население в период трансформации осуществило спуск по социальной лестнице. Исключения составили Словакия, Чехия и Польша.

Доля респондентов, осуществивших субъективную восходящую мобильность, превышала долю тех, кто поднялся вверх по социальной лестнице. Дистанции обоих типов перемещения в социальном пространстве были не особенно велики и слабо согласованы: наибольшие значения коэффициентов корреляции для соответствующих переменных наблюдались в Польше и в Чехии.

Таким образом, исследование позволило обозначить методологические особенности индикаторов обоих типов перемещения в социальном пространстве, но более точное описание их измерительного потенциала требует дальнейшего эмпирического исследования.

Ключевые слова: социальное неравенство, посткоммунистические страны, позиция на социальной лестнице, субъективная социальная мобильность

LINA MALYSH

Movement in the Social Hierarchy in the Age of Transformation: People's Perceptions in Post-Communist Countries

The article analyzes how people evaluate the changes in their position in the social hierarchy. The main research attention is focused on post-communist countries which exemplify the transition from one social order to another. The list of these post-communist countries was as follows: Bulgaria (N = 1000), Estonia (N = 1000), Latvia (N = 1069), Lithuania (N = 1023), Poland (N = 1263), Russia (N = 1603), Slovakia (N = 1159), Slovenia (N = 1065), Hungary (N = 1010), Ukraine (N = 2012), Croatia (N = 1201), the Czech Republic (N = 1205).

Based on the questions from the Social Inequality-IV module of the International Social Survey Programme two types of people's perception of their mobility were identified: subjective social mobility and intergenerational movement on the social ladder. Subjective social mobility measured as a level of status of respondents' current job compared to the status of their father's job when the respondent was a teenager. Intergenerational movement in the social ladder was considered as the difference between respondent's self-positioning on the social ladder and his/her ideas about the position of the family of his origin on this ladder. Also, the direction and distance of both types of movement in the social hierarchy were measured.

As a result, the differences in stratification profiles based on distributions of the respondent's position on the social ladder and that of their parents were shown. In a large majority of nations, people moved down on the social ladder. The exceptions were Slovakia, the Czech Republic, and Poland.

In general, the proportion of people who have experienced upward subjective mobility exceeded the proportion of those who have risen the social ladder. Distances of both types of movement in the social space were moderate. Subjective mobility and intergenerational movement in the social ladder did not correlate too much. The correlation between the variables was strongest in Poland and the Czech Republic.

Methodological features of indicators of both types of movement in social space are outlined, but more accurate description of their measuring limits requires further empirical exploration.

Keywords: social inequality, post-communist countries, position on the social ladder, subjective social mobility